

Оригинальная статья / Original article

УДК 902(571.5+517.3)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-42-63>

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЮГО-ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

© А.Д. Цыбиктаров

Бурятский государственный университет

670000, Российская Федерация, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

Аннотация: В статье представлена реконструкция этнокультурных процессов в регионе Юго-Западного Забайкалья в позднем бронзовом и раннем железном веках. Материалами для их изучения послужили результаты исследования памятников различных археологических культур этих эпох, выделенных исследователями нескольких поколений с 1920–1930-х гг. до настоящего времени: культуры плиточных могил, культуры херексуров, хэнтэйской культуры. Население этих археологических культур, распространенных в степной, лесостепной и таежной зонах края, представляло разные этнические общности. В антропологическом отношении люди первой и второй культур были монголоидами и являлись автохтонными жителями, а носители последней – европеоидами, мигрировавшими в Забайкалье из западных районов Монголии. Показаны причины миграции скотоводческого населения культуры херексуров в регион, особенности взаимодействия местного скотоводческого населения (культуры плиточных могил) с пришедшими в степную зону, выделены этапы их взаимоотношений (враждебного противостояния, мирного сосуществования, этнического смешения). Дается оценка значению этих контактов для формирования центрально-азиатской расы внутриконтинентальных монголоидов, представителями которой являются современные народы Центральной Азии – монголы и буряты. Охарактеризованы контакты скотоводческого населения культуры плиточных могил с лесными охотниками, рыбаками и собирателями хэнтэйской культуры.

Ключевые слова: бронзовый век, ранний железный век, монголоиды, европеоиды, миграции, этнические контакты, этапы взаимоотношений, экологические зоны, палеоэкономика, обмен

Информация о статье: Дата поступления 12 октября 2018 г.; дата принятия к печати 12 ноября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Цыбиктаров А.Д. Этнокультурные процессы в Юго-Западном Забайкалье в эпоху поздней бронзы и раннего железа. *Известия Лаборатории древних технологий*. 2018;14(4):42–63. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-42-63.

ETHNOCULTURAL PROCESSES IN THE SOUTH-WESTERN TRANSBAIKALIA IN THE LATE BRONZE AND EARLY IRON AGES

© Alexander D. Tsybiktarov

Buryat State University

4 Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russian Federation

Abstract: The article presents the reconstruction of ethnocultural processes in the region of the South-Western Transbaikalia in the Late Bronze and Early Iron Ages. Used materials for this research are the results of a study of the monuments of various archaeological cultures of these ages, identified by researchers of several generations from the 1920s and 1930s until now: Slabgraves Culture, Culture of Khereksur, Khentei Culture. The population of these archaeological cultures spread in the steppe, forest-steppe and taiga zones of the region and represented different ethnic communities. In the anthropological reference the people of the first and second groups were mongoloids and were autochthonous inhabitants, and the members of last group were europeoids, who migrated to Transbaikalia from the western regions of Mongolia. The article highlighted the reasons for the migration of the cattle-breeding Culture of Khereksur population to the region, also it shows special aspects of the relation-

ship between the local cattle-breeding Slabgraves Culture population and newcomers as well as the stages of interrelationship (e.g. hostile opposition, peaceful coexistence, ethnic mixing). The article gives the significance of these contacts for the formation of the Central Asian race of inland Mongoloids, whose representatives are the modern peoples of Central Asia – the Mongolians and Buryats. The contacts of the cattle-breeding population of Slabgraves Culture with forest hunters, fishermen and collectors of Khentei Culture are characterized.

Keywords: *Bronze and Early Iron Ages, Mongoloids, Caucasians, migrations, ethnic contacts, stages of interrelations, ecological zones, paleoeconomics, exchange*

Article info: Received October 12, 2018; accepted for publication November 12, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Tsybiktarov A.D. Ethnocultural processes in the south-western Transbaikalia in the Late Bronze and Early Iron Ages. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018;14(4):42–63. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-42-63.

Введение

Одной из основных задач археологической науки является реконструкция исторических процессов, в том числе этнокультурных, происходивших в различных районах земного шара в древности, которые в конечном итоге завершались формированием современных народов. Иными словами археология дает источниковедческие материалы по этногенезу и этнической истории различных народов земного шара. В данной статье рассматриваются материалы, накопленные по бронзовому и раннему железному векам Юго-Западного Забайкалья с 1920–1930-х гг. до настоящего времени. Хотя раскопки памятников этих эпох начались еще с 30-х гг. XVIII в., но обоснованное их изучение началось именно с указанного времени. Г.П. Сосновский, А.П. Окладников, М.П. Грязнов, Г.П. Сергеев и другие исследователи выделили из общей массы южнозabayкальских древностей материалы бронзового и раннего железного веков, установили их датировку и хронологические этапы. Была определена и одна из палеометаллических культур региона – культура плиточных могил, что стало важным достижением тех лет. Последующие поколения археологов во многом опирались на результаты работ 1920–1930-х гг. и внесли значительный вклад в изучение указанных периодов в древней истории края. Так постепенно благодаря усилиям многих исследователей вырисовывались контуры культурно-исторической ситуации, а вместе с ней и этнокультурной истории в регионе Юго-Западного Забайкалья.

Однако, как будет видно из обсуждения достижений археологов разных поколений, работав-

ших в области южнозabayкальской археологии, изучение рассматриваемых эпох складывалось далеко не просто. Объективно сложившиеся обстоятельства и сформировавшиеся подходы к рассмотрению материалов раскопок памятников и большого массива случайных находок эпох бронзы и раннего железа с территории Забайкалья и Монголии длительное время не позволяли выявить археологические культуры собственно бронзового века. Это в свою очередь не способствовало выявлению объективной культурно-исторической и этнокультурной ситуации в регионе. В качестве примера можно привести факт того, что до середины 1980-х гг. не было установлено, какие археологические культуры существовали в крае в эпоху бронзы, хотя в музейных собраниях Забайкалья имелось огромное количество случайных находок этого времени. Вместе с тем анализ изучения процесса формирования и смены археологических культур в регионе позволяет проследить изменения в культурно-исторической и этнокультурной ситуации в крае и оценить их значение для сложения древних и современных этнических общностей.

Обсуждение материалов

Бронзовый век на территории Забайкалья начался в конце III – начале II тыс. до н. э. с вхождением в жизнь древних людей первых металлических изделий из меди, а несколько позже и бронзы. Эпоха бронзы сменилась ранним железным веком примерно в VIII в. до н. э. На их протяжении произошли многие важные изменения в жизни древних людей в экономике, общественном строе, мировоззрении и религиозных представлениях, в

этнокультурной истории. Они отразились в формировании, развитии и смене археологических культур.

Сам факт существования в степной зоне Южного Забайкалья развитой культуры бронзового века, стоявшей на одном уровне развития с другими культурами эпохи бронзы соседних областей Южной Сибири, не вызывал сомнений с самого начала изучения этой эпохи в древней истории края. Об этом писали еще в 1920–1930-е гг. такие крупные исследователи степной бронзы Сибири, как М.П. Грязнов и Г.П. Сосновский (Грязнов, 1929; Сосновский, 1933; Сосновский, 1936). К раннему железному веку или к эпохе ранних кочевников (VII–III вв. до н. э.) Г.П. Сосновский относил культуру плиточных могил (Сосновский, 1940. С. 40; Сосновский, 1941. С. 307–308). Уже со слов известного палеоантрополога Г.Ф. Дебеца мы знаем, что этим же временем он датировал забайкальские херексуры (Дебец, 1948. С. 118). Однако сам Г.П. Сосновский так и не опубликовал своих взглядов о датировке этих памятников. Можно лишь предполагать, учитывая господствовавшую в те годы теорию стадильности академика Н.Я. Марра, что его, по видимому, смущало сосуществование на одной и той же территории таких разных памятников, а следовательно, и археологических культур, как плиточные могилы и херексуры. К тому же херексуры на территории соседней Монголии, где были распространены памятники, однотипные с забайкальскими, были датированы тюркским временем (VI–VIII вв. н. э.). (Боровко, 1927. С. 74–76). Много внимания изучению забайкальской бронзы уделял крупнейший исследователь древней истории Прибайкалья, Забайкалья и Центральной Азии А.П. Окладников. Он относил к ней яркую самобытную культуру плиточных могил, датирующуюся по представлениям тех лет в основном скифским временем (VII–III вв. до н. э.), т. е. ранним железным веком (Окладников, 1954. С. 23–24; Окладников, 1956. С. 83–87 и др.). Херексуры же были датированы А.П. Окладниковым, как и Г.И. Боровко, тюркским временем (VI–VIII вв. н. э.), а этнически связаны с селенгинскими уйгурами (Окладников, 1976. С. 326–327; Окладников, 1975. С. 17).

В конце 1950-х гг. вышла монография Н.Н. Дикова, посвященная бронзовому веку Забайкалья (Диков, 1958). В ней подвелись итоги изучения памятников этой эпохи на территории края. Следует отметить, что его обобщению предшествовали многолетние полевые работы второй Бурят-Монгольской археологической экспедиции под руководством академика А.П. Окладникова, начатые еще в 1947 г. По мнению Н.Н. Дикова период ранней бронзы был известен очень слабо. К нему относились отдельные погребения Фофановского могильника в низовьях Селенги, а также материалы Нижне-Березовского поселения в окрестностях Улан-Удэ. Период средней бронзы, датируемый ученым X–VIII в. до н. э., был представлен случайными находками бронзовых изделий карасукского облика и, вероятно, наиболее ранними плиточными могилами и частью наскальных изображений, нанесенных охрой. Основную часть плиточных могил Н.Н. Диков датировал VII–II вв. до н. э., т. е. скифским временем. Однако, исходя из того, что в плиточных могилах этого периода металлические изделия были представлены предметами из бронзы, исследователь определил это время как поздний бронзовый век (Диков, 1958, С. 53–54). Таким образом, в культурно-хронологической классификации Н.Н. Дикова культура собственно бронзового века так и не была выделена. Культура же плиточных могил заполняла период раннего железного века (скифское время и начало хунно-сарматского времени) по периодизации эпохи бронзы и раннего железа степной зоны Южной Сибири, а шире евразийских степей от Ордоса на востоке до Причерноморья на западе.

Следующим крупным обобщением материалов по археологии Западного Забайкалья, имеющим отношение к изучению бронзового века южных районов края, стала монография Л.Г. Ивашиной. В ней были подведены итоги многолетних исследований памятников неолита и энеолита лесостепной зоны Бурятии. Однако культуры, существовавшие в степных и лесостепных районах края в эпоху бронзы, так и остались невыясненными. Известные к тому времени материалы были выделены хронологически и получили обозначение в виде «фофановского этапа энеолита и ранней

бронзы» в пределах основной части II тыс. до н. э и «карасукско-шиверского этапа бронзового века» конца II – начала I тыс. до н. э. (Ивашина, 1979, С. 124–125, 157). Памятники культуры плиточных могил были, по-видимому, выведены исследователем за пределы бронзового века вследствие почти всеми признанной принадлежности их, по представлениям тех лет, к памятникам скифской эпохи.

Итак, изучение памятников древних эпох на территории Бурятии, южные районы которой совпадают с юго-западной частью Забайкалья, на протяжении многих десятилетий с 1920-х до конца 1970-х гг. так и не помогло выявить культуру или совокупности археологических культур, которые показали бы особенности материальной и духовной культуры населения края, а также этнокультурной обстановки в регионе в эпоху бронзы. Столь странная ситуация, которая особенно рельефно проступала на фоне впечатляющих успехов в изучении культур бронзового века более западных областей Южной и Западной Сибири, а также Казахстана, не могла пройти мимо внимания такого внимательного и известного исследователя забайкальской и центральноазиатской археологии, как А.П. Окладников. Еще в конце 1950–1960-х гг. он, опираясь в основном на некоторые косвенные данные, высказал предположение о том, что культура плиточных могил должна датироваться не только скифским временем (VII–III вв. до н. э), но и более ранним временем. По его мнению, какая-то часть плиточных могил могла существовать во второй половине II тыс. до н. э., а возникнуть она могла в середине II тыс. до н. э. Однако период расцвета этой культуры, по его представлениям, приходился на скифское время (Окладников, 1959, С. 126; Окладников, Запорожская, 1970. С. 87–88, 167). В целом же результаты изучения южнозабайкальских древностей по состоянию на конец 1970-х гг. отчетливо выявили культуру населения раннего железного века или скифского времени, представленную плиточными могилами. Многочисленные случайные находки бронзовых изделий II – начала I тыс. до н. э., несколько поселений и отдельные погребения этого же времени были выделены в хронологические этапы, но собственно сама археологическая культура бронзового века

так и осталась неизвестной. В результате культурно-историческая, а вместе с ней и этнокультурная ситуация в крае на протяжении бронзового века оставалась, в отличие от таежного Прибайкалья, где были выделены глазковская и шиверская культуры (Окладников, 1955), невыясненной. В эпоху же раннего железа в VII–III вв. до н. э. степные и лесостепные районы Бурятии были, по общепринятому мнению, заняты культурой плиточных могил, основной ареал распространения которой уходил в степи Монголии. Ее население в это время определяло этнокультурную ситуацию в крае и показывало широкое расселение в разных его районах скотоводческого населения одной культуры. Было ясно, что по соседству с ними жили охотники и рыболовы забайкальской тайги, но их археологические памятники в то время были неизвестны.

В 1980-х гг. автор статьи пересмотрел датировку плиточных могил и вновь обратился к датировке херексуров. Культура плиточных могил была датирована эпохой поздней бронзы и раннескифским временем, т. е. XIII–VI вв. до н. э.¹ Относительно датировки херексуров на основе материалов новых раскопок сначала мы высказались в поддержку Г.П. Сосновского с корректировкой на раннескифское время (VII–V вв. до н. э.). На могильнике Улзыт III в Южной Бурятии особенности погребального обряда и конструкции раскопанного херексура находили полные аналогии в памятниках раннескифского времени Саяно-Алтая (Цыбиктаров, 1985). Позже на основе собранных более многочисленных материалов это хронологическое определение было пересмотрено. С моей точки зрения херексуры в Южной Бурятии должны датироваться концом II – началом I тыс. до н. э., т. е. концом бронзового века, самое позднее – раннескифским временем (Цыбиктаров, 1988). В результате коренным образом изменились и представления об этнокультурной ситуации в крае в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Многочисленные бронзовые изделия карасукского типа (ножи, кинжалы,

¹ Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1989. 24 с. / Tsybiktarov A.D. Slabgraves Culture of Transbaikalia and Mongolia: Abstract. dis. ... Cand. Sci. (History): 07.00.06. M., 1989. 24 p.

кельты, боевые топоры и т. д.), известные по подъемным сборам, нашли культурную привязку к группам населения, оставившим плиточные могилы и херексуры. В истории бронзового века на территории края место хронологических этапов заняли конкретные археологические культуры и стоящие за ними древние этнические общности. В данном случае это культура плиточных могил и культура херексуров и оленных камней. Таким образом, в эпоху поздней бронзы на территории Южной Бурятии сосуществовали две древние этнические общности. Одна из них (культура плиточных могил) была местной по происхождению, а другая (культура херексуров и оленных камней) была пришлой в крае.

Культура плиточных могил занимала огромные пространства на территории Центральной Азии. Ее ареал простирался от берегов Байкала на севере до предгорий Нань-Шаня на юге, а с востока на запад от предгорий Хингана до котловины Больших озер на западе Монголии. Степи Южного Забайкалья и остепненные районы Приольхонья, Северного Байкала и долина р. Куды (притока Ангары) являлись северной окраиной (Харинский, Зайцев, Свинин, 1995; Туркин, 2004; Харинский, 2017) этой центральноазиатской культуры бронзового и раннего железного веков (рис. 1). В антропологическом отношении население культуры плиточных могил было монголоидным и характеризовалось особенностями так называемой байкальской расы континентальных монголоидов² (Дебец, 1952. С. 64–67; Гохман, 1958. С. 433, 437, 443; Гохман, 1967. С. 95, 99; Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987. С. 231). Хозяйство плиточников по своей основе было скотоводческим. В стаде преобладали лошади и овцы. Крупный рогатый скот разводили в меньшем количестве. Животные круглый год содержались на подножном корму. Хозяйственно-культурный тип населения культуры плиточных могил был примерно таким же, как у бурят и мон-

голов в недавнем прошлом. Носителям этой культуры был характерен высокий уровень бронзолитейного производства (Сосновский, 1941; Диков, 1958; Волков, 1967; Наваан, 1975; Гришин, 1981; Членова, 1992; Цыбиктаров, 1998).

Анализ материалов ранних плиточных могил и данных палеогеографии Монголии и Южного Забайкалья показали, что эта культура сложилась в середине II тыс. до н. э. на основе селенгинско-даурской культуры местного степного населения эпохи энеолита и ранней бронзы³ (Цыбиктаров, 2007. С. 195–197). Таким образом, этнокультурную ситуацию на протяжении огромного периода времени от середины II тыс. до середины I тыс. до н. э. в степной и лесостепной зонах Юго-Западного Забайкалья определяло население именно этой культуры.

Однако в конце II тыс. до н. э. в степные и лесостепные районы края произошла очень мощная миграция населения культуры херексуров и оленных камней с территории Западной и отчасти Центральной Монголии, где находились основные районы ее распространения. Антропологический тип населения этой культуры был европеоидным⁴ (Алексеев, 1974. С. 371, 382; Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987. С. 231; Ефремов, 1958. С. 316). В результате вторжения этнокультурная ситуация резко изменилась и имела очень большое значение для формирования антропологического типа современных народов Забайкалья и Монголии, прежде всего монголов и бурят, антропологический тип которых относится к так называемой центральноазиатской расе континентальных монголоидов.

² Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 03.00.14. М., 1985. 20 с. / Tumen D. Questions of the Mongolian ethnogenesis in the light of paleoanthropological data: author. dis. ... Cand. Sci. (History): 03.00.14. M., 1985. 20 p.

³ Цыбиктаров А.Д. Север Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа (II – первая половина I тыс. до н. э.): автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06. Новосибирск, 2003. 49 с. / Tsybiktarov A.D. North of Central Asia in the Bronze and Early Iron Ages (II – first half of I millennium BC): Author. dis. ... Dr. Sci. (History): 07.00.06. Novosibirsk, 2003. 49 p.

⁴ Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 03.00.14. М., 1985. 20 с. / Tumen D. Questions of the Mongolian ethnogenesis in the light of paleoanthropological data: author. dis. ... Cand. Sci. (History): 03.00.14. M., 1985. 20 p.

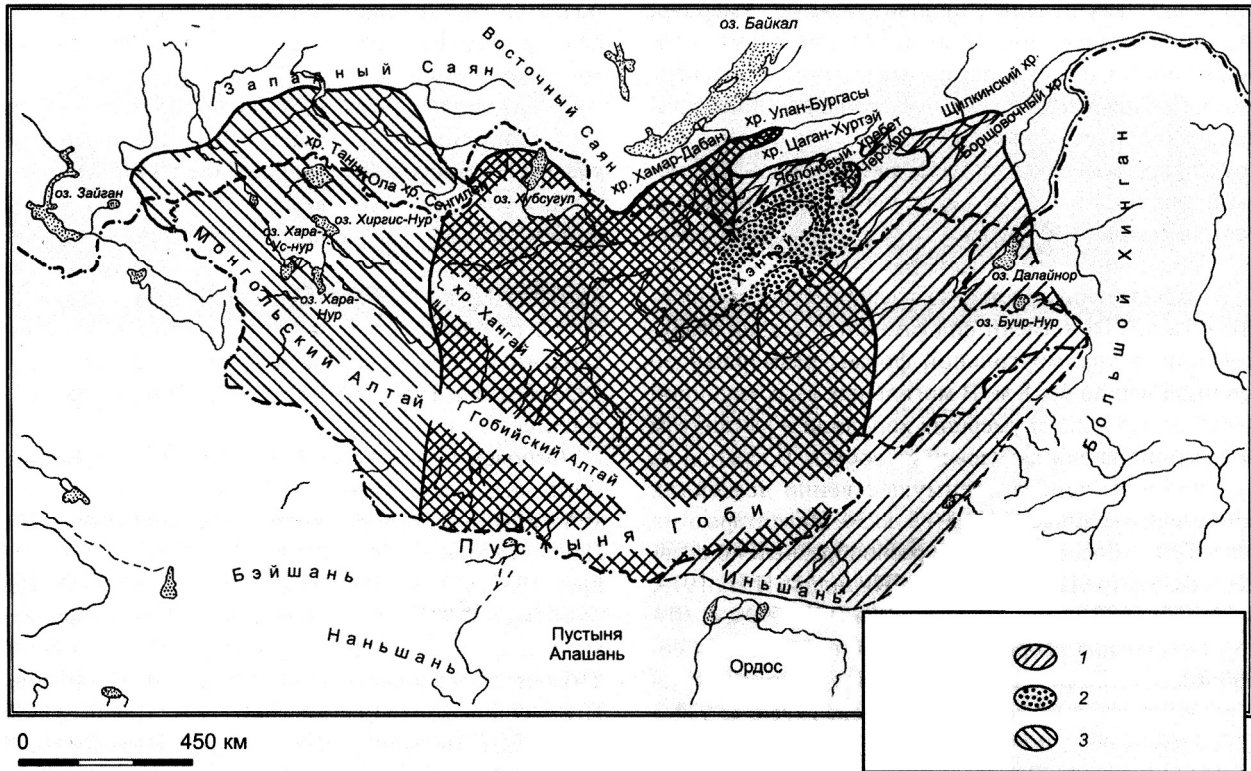

Рис. 1. Ареал распространения археологических культур Центральной Азии в конце II – начале I тыс. до н. э.:

1 – культура плиточных могил; 2 – хэнтэйская культура; 3 – культура херексуров

Fig. 1. The distribution area of archaeological cultures of Central Asia at the end of the II – beginning of I millennium BC.:

1 – culture Slabgraves; 2 – Khentei culture; 3 – culture of Khereksur

Появление населения культуры херексуров было вызвано несколькими причинами. Во-первых, степи Южной Бурятии, ограниченные с севера, запада и востока высокими горными хребтами Хамар-Дабана, Улан-Бургасы, Станового и Хэнтэй-Чикойского нагорья, широко открыты к югу в сторону Центральной и Западной Монголии по просторной долине Селенги, истоки которой находятся в верховьях рек Идэра на западе Хангайского хребта и Дэлгэр-Мурэна в хребте Улан-Тайга на границе с Тувой. Таким образом, долина Селенги была естественным коридором, выведившим центральноазиатских кочевников из западной части Монголии в степи Южной Бурятии. Во-вторых, в конце II тыс. до н. э. по всей полосе евразийских степей начинается фаза аридизации климата, в том числе и на территории Монголии и Южного Забайкалья⁵

(Виппер, 1989. С. 165; Биологические ресурсы и природные условия Монгольской Народной Республики, 1989. С. 197–199. Рис. 1.7; Цыбиктаров, 2006. С. 58–61; Окладников, Кириллов, 1980. С. 161–162; Лбова, Гречищев, 1995. С. 9–10).

Она резко снизила продуктивность пастбищ и явилась катализатором к крупномасштабным миграциям скотоводческих групп населения на обширных пространствах степей Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии в разных направлениях. Именно в это время прослеживается мощная экспансия андроновских племен в Южную и Западную Сибирь, срубное население из степей Поволжья продвигается на юг Средней Азии и т. д. Процесс этот не обошел стороной и монголо-зabayкальские степи. Здесь и без того более сухой и резкий, по

⁵ Дорофеев Н.И. Реконструкция природных условий Внутренней Азии в позднеледниковье и голоцене (по материалам диатомового и палинологического анализов озерных осадков Монголии): автореф. дис. ... докт.

биол. наук: 03.00.16. М., 2008. 49 с. / Dorofeyuk N.I. Reconstruction of the natural conditions of Inner Asia in the Late Glacial and Holocene (based on diatom and palynological analyzes of the lake sediments of Mongolia): Author. dis. ... Dr. Sci. (Biology): 03.00.16. M., 2008. 49 p.

сравнению с западными областями азиатских степей климат, стал, надо полагать, еще более засушливым. Поэтому синхронно с более западными областями в степях Монголии и Забайкалья начинается встречное движение населения двух скотоводческих культур Центральной Азии на территорию друг друга. В результате херексуры появляются далеко на востоке – в Южной Бурятии и на крайнем юго-западе Забайкальского края, в Северной и Центральной Монголии, а плиточные могилы – далеко на западе Монголии. Контактная зона этих двух культур Центральной Азии протянулась почти на 1 300 км с запада на восток (см. рис. 1).

Расселение скотоводческого населения культуры херексуров по степным и лесостепным районам Монголии и Забайкалья, занятых скотоводами-плиточниками, вело, с одной стороны, к увеличению плотности населения, а с другой – к увеличению интенсивности эксплуатации пастбищных угодий. Такие нежелательные для населения культуры плиточных могил процессы происходили на фоне усиления аридизации климата, вызывавшей снижение продуктивности пастбищ. Это, конечно, усугубляло и без того сложную ситуацию. В результате миграция носителей культуры херексуров затрагивала жизненно важные хозяйственные интересы населения культуры плиточных могил. Столь неоднозначная обстановка, сформировавшаяся в степных и лесостепных районах Юго-Западного Забайкалья в результате вторжения на земли местного скотоводческого населения мигрантов со схожим хозяйственно-культурным типом, объективно должна была создать и неординарную историческую и этнокультурную ситуацию, напрямую влияющую на этнические процессы в регионе.

Раскопки автора на протяжении 1980 – начала 2000-х гг. серии наложения кладок плиточных могил, херексуров и жертвенников друг на друга с использованием информации по другим памятникам, в частности, оленным камням, а также данных палеоантропологии из плиточных могил и херексуров позволили реконструировать ход взаимоотношений местного и пришлого населения (Цыбиктаров, 2013. С. 360–373). При этом удалось установить три этапа в развитии взаимоотношений между ними:

1. Враждебное противостояние.
2. Мирное сосуществование.
3. Этническое смешение.

Первый этап. Сложившаяся хозяйственная ситуация с пастбищными угодьями неизбежно должна была привести к обострению отношений между автохтонным населением культуры плиточных могил и мигрантами – носителями культуры херексуров. Вероятно, из-за необходимости получения права на обладание пастбищами со стороны носителей культуры херексуров и наоборот их потерь со стороны плиточников, в это время имели место многочисленные военные столкновения. Одной из форм проявления напряженных отношений между ними стали, надо полагать, акты обоюдного осквернения могил с обеих сторон. Это и зафиксировали раскопки херексуров и плиточных могил на Баин-Улане II и в Старой Капчеранке в местности Бурдуны на границе Бурятии и Монголии недалеко от г. Кяхты, а также могильниках Шара-хад и Булык в местности Ботхон в долине р. Кударинка, притока Чикоя в Кяхтинском районе Республики Бурятия. На них плиточники осквернили херексуры пришлого населения, частично разобрав их и использовав вывернутые камни в качестве строительного материала при сооружении своих могил. При этом на Баин-Улане II и в Старой Капчеранке кладки плиточных могил перекрыли ограды херексуров (рис. 2). Однако и сами плиточные могилы на всех указанных могильниках, также как и херексуры, оказались потревоженными. Таким образом, складывается впечатление, что акты осквернения носили обоюдный характер. Нет сомнения в том, что это не случайно и отражает напряженный, немирный характер взаимоотношений между плиточниками и носителями культуры херексуров.

Такой характер взаимодействия нашел отражение и в отношении плиточников к оленным камням – культовым стелам населения культуры херексуров. В Джидинском районе Бурятии на могильнике Боргой Сельгер два оленных камня были использованы в качестве строительного материала при сооружении плиточной могилы (Окладников, 1980. С. 10). Такая же ситуация прослежена на материалах более чем 40 плиточных могил Монголии. На некоторых из них оленные стелы дополни-

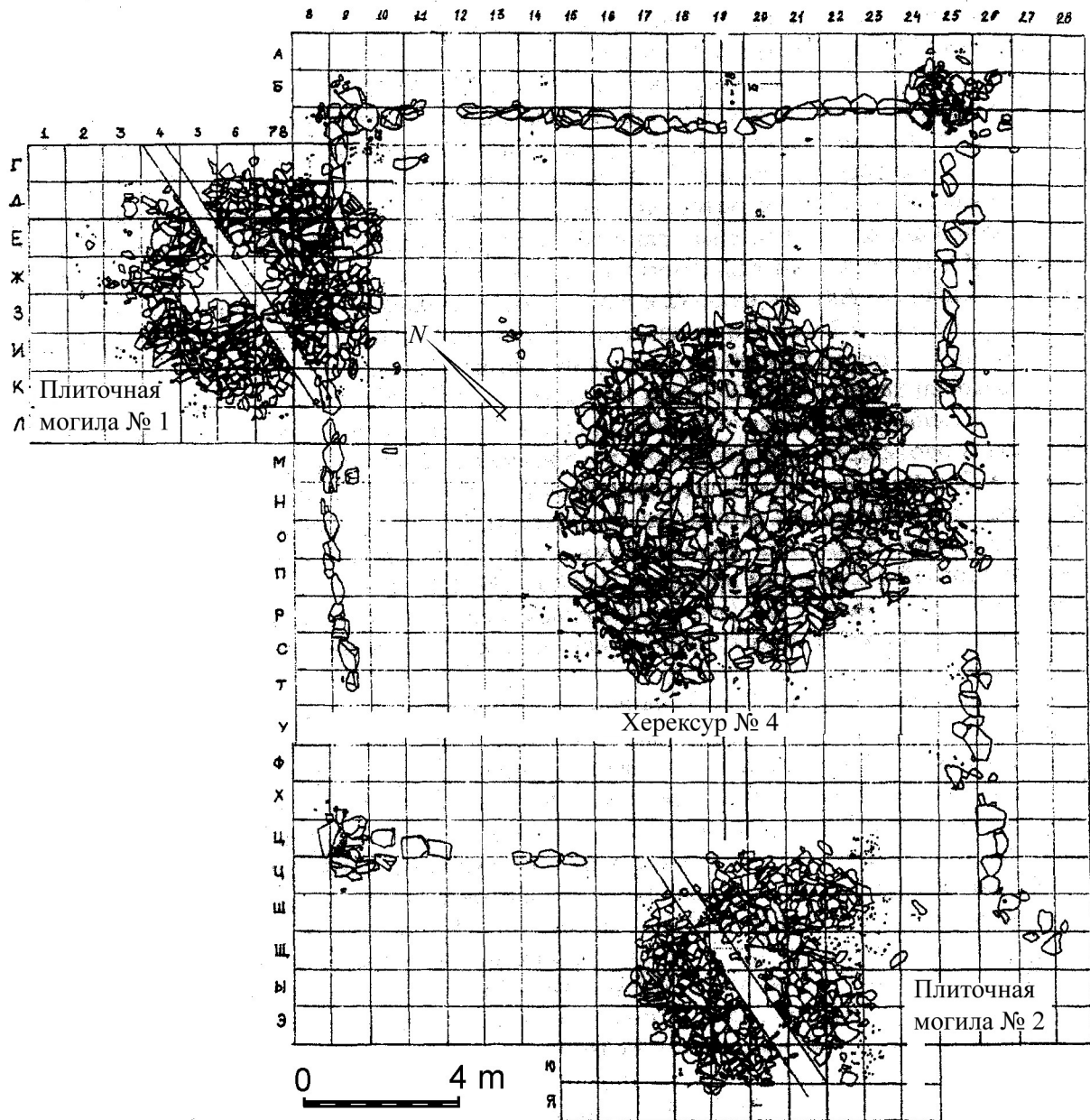

Рис. 2. Могильник Старая Капчеранка, наложение кладок плиточных могил № 1, 2 на оградку херексура № 4
Fig. 2. The burial site Staraya Kapcheranka, laying slab pavements of the graves no. 1 and 2 on the fence of the kherekhsur no. 4

тельно разбивались на куски, устанавливались в перевернутом положении и т. д. Тем самым выказывалось явно пренебрежительное отношение к ним. В целом в плиточных могилах таким образом было переиспользовано 153 оленных камня, т. е. более 30 % от общего количества оленных стел, зафиксированных на территории Монголии и Забайкалья на начало 1980-х гг. Долгое время было непонятно столь своеобразное использование оленных камней в плиточных могилах и отношение

к ним, вызывавшее разные варианты интерпретации. Они получили логическое объяснение после наших раскопок плиточных могил и херексуров в Южной Бурятии.

Второй этап. Вероятно со временем откровенно напряженные взаимоотношения пришлого и местного населения постепенно нормализовались, установились отношения сосуществования населения обеих культур, относящихся к разным антропологическим типам. Такая ситуация была прослеже-

на по материалам раскопок на могильниках Улзыт III и Улзыт VI в долине р. Чикой на границе с Монголией. На могильнике Улзыт VI кладка двояных плиточных могил аккуратно была пристроена к круглой ограде херексура (рис. 3). При этом плиты южной стенки ограды одной из могил были прислонены к камням ограды херексура, которые полностью сохранились под кладкой могилы. Ограда херексура вообще сохранилась полностью. То же самое можно сказать о насыпи херексура. Лишь с южной стороны от цисты (камеры внутри насыпи) камни были выбраны в результате более поздней попытки ограбления, в результате чего они здесь отсутствовали. Попытка ограбления не предпринималась плиточниками. Являясь современниками строителей херексура, они прекрасно знали, где находится циста херексура, и поэтому при ограблении или осквернении херексура не могли ошибиться.

При раскопках херексура на могильнике Улзыт III (рис. 4) в цисте на горизонте был обнаружен костяк, череп которого характеризовался монголоидными признаками и, по мнению И.И. Гохмана (устное сообщение), был почти идентичен черепам из плиточных могил. Однако человек плиточного облика был похоронен в погребальном сооружении населения культуры херексуров. Это указывает, как нам представляется, на установление не только достаточно спокойных и мирных отношений между носителями культуры плиточных могил и херексуров, но и этнических связей между ними. Иначе трудно объяснить факт того, что человек, связанный с этнической средой населения культуры плиточных могил, оказался похороненным по нормам погребального обряда населения культуры херексуров. Анализ особенностей обряда захоронения плиточников позволяет предполагать наличие в погребальной практике населения культуры плиточных могил безынвентарного варианта погребального обряда, происхождение которого связано, возможно, с контактами плиточников с населением культуры херексуров. Такое могло произойти только после нормализации отношений и установления прочных культурных и этнических связей.

Третий этап. Следует полагать, что отношения мирного сосуществования населения обеих культур со временем вели к процессу этнического смешения. Косвенно об этом говорят материалы раскопок указанного херексура с могильника Улзыт III. Однако их можно интерпретировать двояко. Можно допустить, что монголоид из среды населения культуры плиточных могил инкорпорировался в социум пришлого европеоидного населения, но можно предположить и другие причины, по которым покойного похоронили по погребальному обряду инокультурного населения, проживавшего по соседству с местными жителями, например, в качестве акта, символизирующего примирение враждующих сторон. Однако прямую информацию о смешении разноэтнических групп населения содержат в себе палеоантропологические материалы. К сожалению, сведений на этот счет нет по черепам из плиточных могил Юго-Западного Забайкалья, поэтому приходится обращаться к материалам с территории Монголии. Пять черепов из плиточных могил Убурхангайского и Архангайского аймаков Монголии, входящих в контактную зону населения культуры плиточных могил и культуры херексуров, характеризуются особенностями центральноазиатской расы, которая формировалась в процессе метисации древней байкальской расы (населения культуры плиточных могил – Ц.А.) с европеоидами (Гохман, 1980. С. 32–33; Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987. С. 237). В то же время в восточной и юго-восточной частях распространения культуры плиточных могил, в Восточном Забайкалье, Восточной Монголии и восточной части Гоби, судя по отсутствию там херексуров, антропологический тип плиточников, видимо, не претерпел особых изменений и характеризовался особенностями байкальского типа, унаследованного от населения времени неолита и ранней бронзы. Несколько черепов из плиточных могил Восточной Монголии относятся к байкальскому типу и подтверждают это⁶. Пример-

⁶ Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 03.00.14. М., 1985. 20 с. / Tumen D. Questions of the Mongolian ethnogenesis in the light of paleoanthropological data: author. dis. ... Cand. Sci. (History): 03.00.14. M., 1985. 20 p.; Тумэн Д. Антропология современного населения

но такая же ситуация, но обратного характера с поправкой в сторону европеоидности, имела место в то время в Западной Монголии. Черепа из безинвентарных погребений монгун-тайгинского типа из Убсунурского и Кобдосского аймаков, череп из херексура в Худжиртэ в Центральной Монголии характеризовались европеоидными особенностями при некоторой монголоидной примеси⁷ (Алексеев, 1974; Гохман, Влчек, 1991).

В Юго-Западном Забайкалье со временем, постепенно население культуры херексуров было, вероятно, ассимилировано плиточниками. Об этом говорит отсутствие среди раскопанных херексуров на его территории таких, которые содержали бы материалы скифского времени. Исключение составляет лишь один херексур раннескифского времени из могильника Жаргаланта, в котором была найдена бронзовая пряжка с изображением свернувшейся в кольцо пантеры, подобной аржанской из Тувы. Однако это единственный херексур среди более 70 раскопанных в пределах контактной зоны на территории Бурятии и Монголии, известных автору статьи.

Таким образом, в конце бронзового века было положено начало формированию центральноазиатской расы континентальных монголоидов. Ведущим фактором ее образования была метисация древней байкальской расы с европеоидами. Она сопровождалось постепенным уменьшением контрастности и формированием «при явном преобладании монголоидного населения, смешанной по происхождению, но монголоидной по облику расы» (Гохман, 1980. С. 32–33; Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987. С. 237).

MHP: автореф. дис. ... докт. биолог. наук: 03.00.14. М., 1992. 62 с. / Tumen D. Anthropology of the modern population of Mongolia: Author's abstract. dis. ... Dr. Sci. (Biology): 03.00.14. М., 1992. 62 p.

⁷ Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 03.00.14. М., 1985. 20 с. / Tumen D. Questions of the Mongolian ethnogenesis in the light of paleoanthropological data: author. dis. ... Cand. Sci. (History): 03.00.14. М., 1985. 20 p.; Тумэн Д. Антропология современного населения МНР: автореф. дис. ... докт. биолог. наук: 03.00.14. М., 1992. 62 с. / Tumen D. Anthropology of the modern population of Mongolia: Author's abstract. dis. ... Dr. Sci. (Biology): 03.00.14. М., 1992. 62 p.

В природном отношении Южное Забайкалье представляет собой контактную зону степей Центральной Азии и Восточносибирской тайги. Поэтому по всей его территории степные и лесостепные пространства перемежаются с горно-таежными районами. При этом в Западном Забайкалье степи носят «островной характер» и со всех сторон окружены лесами и тайгой, а значительные их участки встречаются только по долинам крупных рек (Селенги, Чикоя, Джиды, Уды) и их притоков. Вследствие этого степняки-скотоводы эпохи бронзы занимали экологическую нишу, представленную степными и лесостепными ландшафтами, и не определяли в полной мере этнокультурную ситуацию на территории края. Они повсеместно жили по соседству с таежным охотничье-рыболовческим населением лесных горно-таежных районов. Охотники-рыболовы тайги по своему жизненному укладу и всем особенностям материальной и духовной культуры представляли совершенно иной мир. Они составляли особую этнокультурную общность, представители которой проживали по таежным массивам восточносибирского типа Хэнтэй-Чикойского нагорья на северо-востоке монголо-южнозабайкальского региона, а также горно-таежным районам Восточных Саян Юго-Западного Забайкалья, Прихубсугуля на севере Монголии и на Хангайском нагорье в глубинных районах Монголии. Однако последние области пока совершенно не изучены в отношении памятников бронзового и раннего железного веков. Поэтому о контактах обитателей таежных районов со степным населением можно судить только по материалам Хэнтэй-Чикойского нагорья.

Археологические памятники и культура населения таежной части Южного Забайкалья стали известны сравнительно недавно, с конца 1960–1970-х гг. благодаря исследованиям М.В. Константинова и его учеников в горно-таежных районах среднего течения р. Чикой, правого притока Селенги на границе с Монголией. Район получил условное название Чикойско-Мензенской провинции. Полученные обширные материалы по разным эпохам имеют важное значение для понимания этнокультурной ситуации не только на территории Забайкалья, но и Монголии. Материалы слоев эпохи

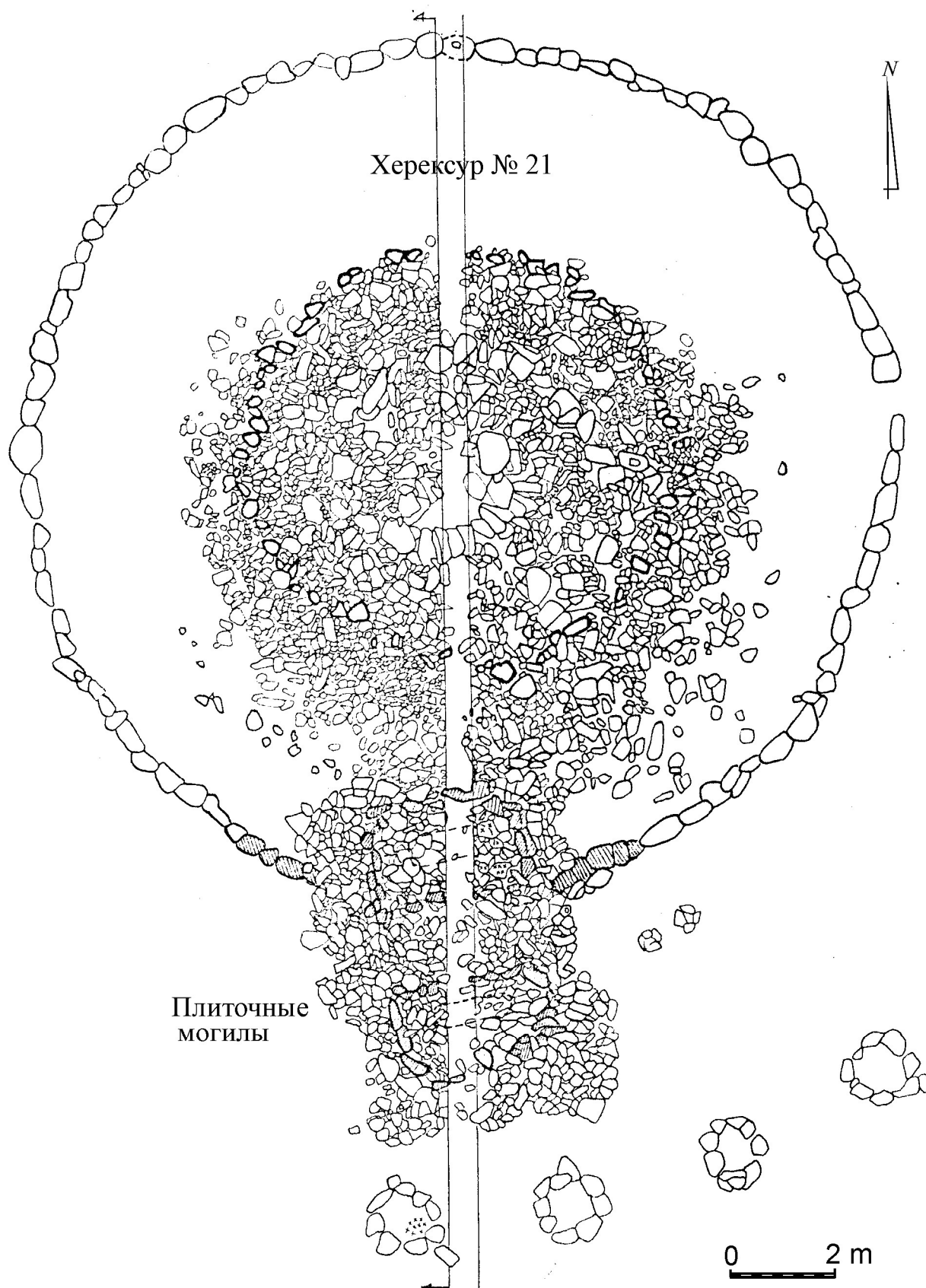

Рис. 3. Могильник Улзыт VI, наложение кладок плиточных могил № 26, 27 на оградку херексура № 21
Fig. 3. burial site Ulzyt VI, laying slab pavements of the graves No. 26, 27 on the fence of khereksur no. 21

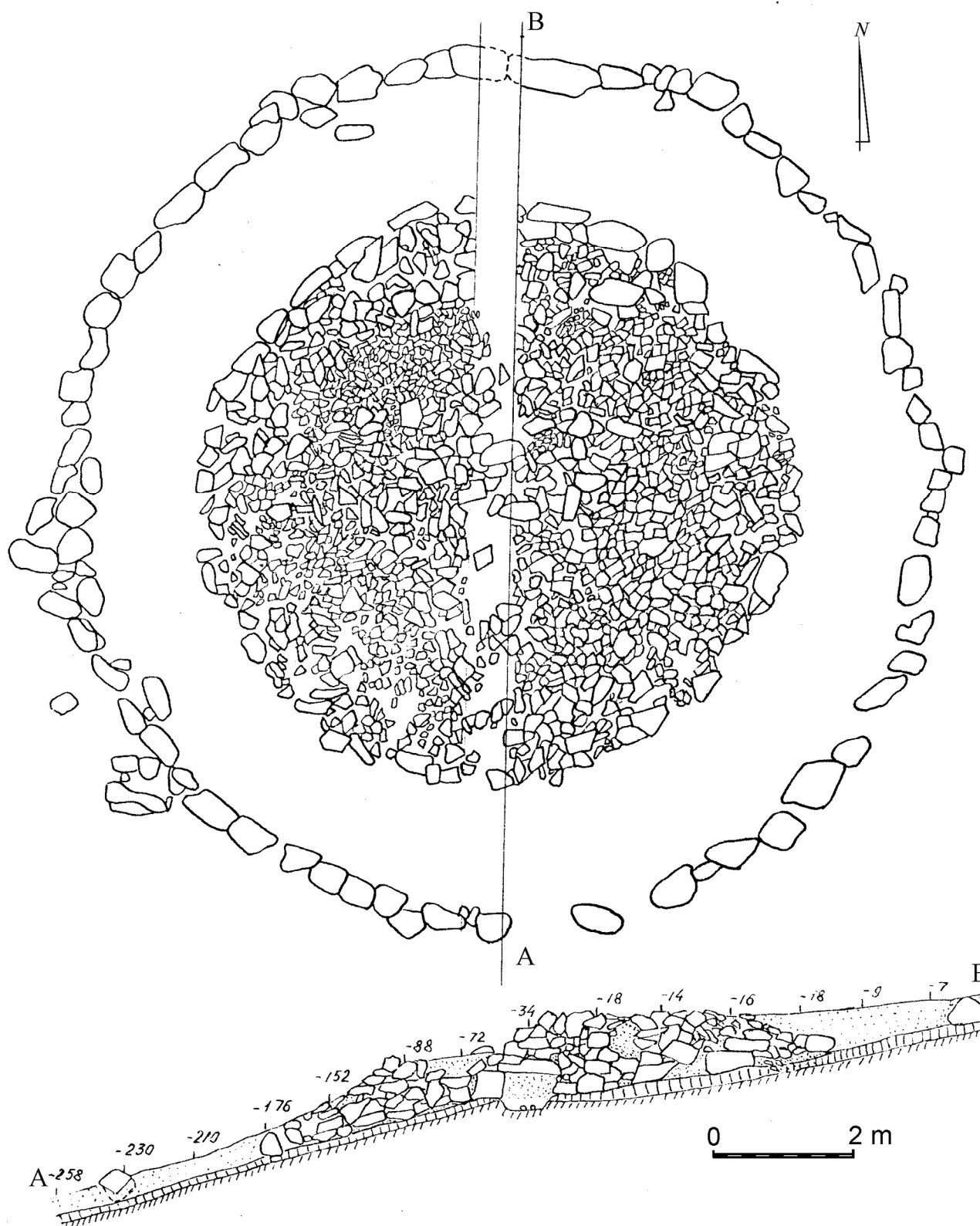

Рис. 4. Могильник Улзыт III, кладка херексура № 15
Fig. 4. Burial site Ulzit III, pavement of kherekсур no.15

бронзы целой серии поселений Усть-Менза 1, 2, 3, Студеного, Нижней Еловки, Алтана, комплекса Егоркиной пещеры и нескольких погребений из Усть-Мензы 3 и 5 раскрывают материальную и духовную культуру, образ жизни и быт, хозяйственные занятия лесного населения горно-таежных районов Южного Забайкалья и Северной Монголии. Авторы раскопок датировали слои эпохи палеометалла XVIII–II вв. до н. э., выделив два этапа: ранней бронзы (XVIII–VIII вв. до н. э.) и поздней бронзы (VIII–II вв. до н. э.)⁸ (Семина, 1983; Семина, 1984. С. 129; Константинов, Екимова, Семина, 2016. С. 54–61). Однако в материалах «раннебронзового» этапа типологически хорошо выделяются металлические изделия раннебронзового и позднебронзового (карасукского) времени (Цыбиктаров, 2009. С. 64–65). Археологическую культуру таежного населения Хэнтэй-Чикойского нагорья бронзового века мы предложили назвать хэнтэйской⁹ (Там же).

По культурно-хозяйственному типу обитатели Хэнтэй-Чикойского нагорья бронзового века являлись охотниками, рыболовами и собирателями. Объектами охотничьего промысла и рыбной ловли служили представители богатейшей фауны горной тайги, рек и озер. Таежные пространства и прибрежные угодья изобиловали съедобными дикоросами. Лесные обитатели строили жилища легкого переносного типа, наподобие шалашей и чумов, а на Нижней Еловке были выявлены две полуземлянки (Семина, 1984. С. 130; Константинов, Екимова, Верещагин, 2016. С. 79–84). Культурные горизонты «ранней» бронзы содержали материалы, указывающие на добычу руд, выплавку металлов и изготовление из них изделий, т. е. очага бронзолитейного

производства, основанного на эксплуатации местной сырьевой базы. На поселении Алтан найден кусок окисленной медной руды. На Студеном 1 и Усть-Мензе 2 выявлены кусочки шлака и капельки бронзы. С Усть-Мензы 1 происходит фрагмент литейной формы для отливки орудий типа шильев. Там же была расчищена яма глубиной до 1,5 м для обжига древесного угля¹⁰ (Константинов, Семина, 1980. С. 98; Семина, 1984. С. 130; Семина, Пинскер, 1986. С. 64; Семина, Грешилова, 1988. С. 119–120; Константинов, Князева, 1986. С. 67; Базарова, Семина, Сурин, 1987. С. 177; Сухопарова, Непомнящий, Семина, 1990. С. 188–189; Константинов, Екимова, Верещагин, 2016. С. 15, 25, 85). Однако металлические орудия лишь в незначительной степени потеснили камень, который по-прежнему играл ведущую роль в сфере производства в рассматриваемое время¹¹ (Константинов, Семина, 1980. С. 102, 104; Сухопарова, Непомнящий, Семина, 1990. С. 189).

Производство глиняной посуды характеризовалось определенными особенностями. Основным способом изготовления была техника выколачивания колотушкой, обмотанной нитями. Вместе с тем поверхность некоторых сосудов подвергалась заглаживанию и легкому лощению. Стала входить в употребление плоскодонная посуда, хотя по-прежнему использовались сосуды с округлым и приостренным дном. Полагают, что сосуды, возможно, стали подвергаться обжигу в специальных ямах-печах¹² (Семина, 1985. С. 113–119; Семина, Пинскер, 1986. С. 64; Гребенщикова, Семина, 1990). На двух поселениях Усть-Менза 1 и 2 были найдены фрагменты триподов (Константинов, Екимова, Верещагин, 2016. С. 27, 30).

В памятниках хэнтэйской культуры имеются немногочисленные материалы, свидетельствующие прямо или косвенно о связях ее населения со степными жителями. Так, например, обращает на

⁸ Семина Л.В. Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1986. 16 с. / Semina L.V. The Neolithic and Paleometal Epoch of South-Western Transbaikalia: author. dis. ... Cand. Sci. (History): 07.00.06. L., 1986. 16 p.

⁹ Цыбиктаров А.Д. Север Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа (II – первая половина I тыс. до н. э.): автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06. Новосибирск, 2003. 49 с. / Tsybiktarov A.D. North of Central Asia in the Bronze and Early Iron Ages (II – first half of I millennium BC): Author. dis. ... Dr. Sci. (History): 07.00.06. Novosibirsk, 2003. 49 p.

¹⁰ Семина Л.В. Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1986. 16 с. / Semina L.V. The Neolithic and Paleometal Epoch of South-Western Transbaikalia: author. dis. ... Cand. Sci. (History): 07.00.06. L., 1986. 16 p.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

себя внимание то обстоятельство, что среди редких металлических изделий не оказалось ни одного, изготовленного из чистой меди. Даже кованые пластинчатые наконечники стрел из Кристинкиной пещеры, повторяющие своей формой подобные же каменные изделия, были изготовлены из оловянистой бронзы (Семина, Филатова, 1982. С. 77). Это указывает, возможно, на то, что первые навыки металлургического производства обитателями Чикойско-Мензенской провинции были получены в результате контактов от соседей-степняков. Можно предположить, что сначала это был металл, из которого методомковки изготавливали различные предметы, в данном случае наконечники стрел, по образцу и подобию местных изделий. Позже, вероятно, опять же от степняков, были заимствованы и навыки выплавки металла из руды, о чем говорят остатки уже подлинно бронзолитейного производства (руда, шлаки, капельки бронзы, литейные формы). Однако, не смотря на наличие местного очага бронзолитейного производства в культурных слоях бронзового века поселений Чикойско-Мензенской провинции, находки изделий из бронзы крайне редки, были найдены лишь полушарная бляшка-пуговица и фигурная бляшка карасукского типа. Пластинчатые треугольные наконечники стрел, фрагменты ножей и шило происходят из погребения. В слоях VIII–II вв. до н. э. поселений Чикойско-Мензенской провинции были найдены лишь обломок кончика однолезвийного ножа и небольшая заклепка на Студеном 1 (Константинов, Екимов, Верещагин, 2016. С. 17). Следовательно можно полагать, что бронзолитейное производство в горно-таежных районах Южного Забайкалья не получило широкого распространения и развития, поэтому авторы раскопок делают справедливый вывод, что металла было очень мало и вещи, изготовленные из него, очень берегли (Константинов, Екимов, Верещагин, 2016. С. 54).

Однако среди редких металлических изделий не оказалось ни одного, изготовленного из чистой меди. Даже кованые пластинчатые наконечники стрел из Кристинкиной пещеры были сделаны из оловянистой бронзы (Семина, Филатова, 1982. С. 77). Это указывает, возможно, на то, что первые навыки металлургического производства обитате-

лями Чикойско-Мензенской провинции были получены от соседей-степняков. Поэтому можно полагать, что бронзолитейное производство в горно-таежных районах Южного Забайкалья и Северной Монголии, не смотря на наличие местного очага бронзолитейного производства, не получило широкого распространения и развития.

Другими неоспоримыми свидетельствами контактов таежного и степного населения Южного Забайкалья являются находки фрагментов триподов и костей домашних животных в слоях бронзового века поселений Чикойско-Мензенской провинции. Обломки триподов, включая целые их ножки, были встречены на поселения Усть-Менза 1 и 2 (Константинов, Екимов, Верещагин, 2016. С. 27, 30). Кости козы, овцы, свиньи (? – Ц.А.) и коровы присутствовали среди находок на Студеном 1 и Усть-Мензе 3 (Константинов, Екимов, Верещагин, 2016. С. 65)¹³. Указанные находки, по мнению М.В. Константинова, Л.В. Екимовой и С.В. Верещагина, свидетельствуют о вхождении в быт таежного населения принципиально нового типа посуды (триподов) и возникновении зачатков скотоводства (Константинов, Екимов, Верещагин, 2016. С. 61, 65). Однако такие категоричные выводы нам представляются преждевременными. Более обоснованным и соответствующим имеющимся источникам (единичность находок и памятников) будет полагать, что они являются свидетельствами прямых контактов охотников и рыбаков чикойской тайги со степняками-плиточниками. Вероятно, последние посещали в целях обмена поселения лесных жителей. От них к таежникам в обмен на охотничье-собираческую продукцию, например, пушнину, панты и т. д., попали «экзотические» домашние животные, а в культурных слоях оказались фрагменты сломавшихся триподов. Кости домашней свиньи не могли попасть к хэнтэйцам от людей культуры плиточных могил или культуры херексуров, так как они не разводили это животное, но

¹³ Авторы монографии М.В. Константинов, Л.В. Екимов, С.В. Верещагин в тексте книги на с. 65 указали на наличие в слое 1а Студеного 1 и слое 1 Усть-Мензы 3 костей указанных домашних животных, однако в описаниях находок из этих же слоев данные артефакты не присутствуют (см. с. 17–19, 31).

такое возможно для более позднего хуннского времени.

В целом материалы хэнтэйской культуры содержат мало материалов, которые бы явно указывали на наличие постоянных устойчивых связей между ее населением и жителями степей. Скорее всего они носили нерегулярный характер. Возможно это объясняется тем, что, не смотря на вхождение в обиход изделий из металла и зарождение местного очага бронзовой металлургии, таежное население края сохраняло во многом неолитический уклад жизни. Оно по-прежнему использовало преимущественно каменные орудия труда, занималось присваивающим хозяйством и вело относительно подвижный образ жизни, чередуя его, вероятно, с остановками в некоторых местах на длительное время в зависимости от обилия промысловых угодий.

В погребальном обряде лесного населения бронзового века Хэнтэй-Чикойского нагорья, судя по захоронениям на Усть-Мензе 3 и 5, также как и в материалах поселений, сохранялись типично неолитические черты – невыразительный инвентарь, обильное использование охры, сильно скорченное положение костяка. Однако вместе с тем появляются и новации: каменные надмогильные выкладки, сравнительно большие размеры могильных ям (Родникова, Селин, 1986. С. 74 Рис. 8; Базарова, Васильев, Конюхов, 1986. С. 69).

Заклучение

Итак, кратко описанные материалы и события, происходившие в южных районах Бурятии, свидетельствуют о достаточно сложной этнокультурной ситуации в конце бронзового и начале раннего железного века. В течение определенного времени здесь взаимодействовали три этнические общности, представленные автохтонным населением культуры плиточных могил и хэнтэйской культуры и пришлой культуры херексуров и оленных камней.

Библиографический список

Алексеев В.П. Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии // Бронзовый и железный век Сибири. Вып. 4. Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск: Наука, 1974. С. 370–390.

При этом в силу проживания в одной и той же экологической нише степей и лесостепей плиточники и носители культуры херексуров взаимодействовали между собой весьма активно, а контакты между ними и таежными жителями, как и ранее между первыми и последними, происходили, вероятно, по мере необходимости. В результате в палеосибирский антропологический тип плиточников (байкальская раса) вливается определенная доля европеоидной примеси, которая внесла свой вклад в процесс формирования центральноазиатской расы, а антропологический тип таежного населения остался, вероятно, без особых изменений в силу эпизодичности контактов. Антропологические материалы последующего времени указывают на то, что процесс формирования основных особенностей центральноазиатской расы завершился в хуннское время. На протяжении средневековой эпохи кардинальных существенных изменений в расовом типе населения Монголии уже не произошло¹⁴. Антропологический же тип лесного населения остался, по-видимому, прежним. Общеизвестно, что как в недавнем этнографическом прошлом, так и в настоящее время тунгусское эвенкийское население таежных районов Забайкалья характеризуется особенностями так называемой байкальской расы, которая в отличие от центральноазиатской расы континентальных монголоидов не содержит в себе европеоидной примеси.

¹⁴ Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 03.00.14. М., 1985. 20 с. / Tumen D. Questions of the Mongolian ethnogenesis in the light of paleoanthropological data: author. dis. ... Cand. Sci. (History): 03.00.14. M., 1985. 20 p.; Тумэн Д. Антропология современного населения МНР: автореф. дис. ... докт. биол. наук: 03.00.14. М., 1992. 62 с. / Tumen D. Anthropology of the modern population of Mongolia: Author's abstract. dis. ... Dr. Sci. (Biology): 03.00.14. M., 1992. 62 p.

References

Alekseev V.P. *Novye dannyye o evropeoidnoi rase v Tsentral'noi Azii* [New data on European race in Central Asia]. *Bronzovyy i zheleznyi vek Sibiri. Vyp. 4. Materialy po istorii Sibiri. Drevnyaya Sibir'* [Bronze and Iron Age of Siberia. Issue 4. Materials on the history of Siberia. Ancient Si-

Алексеев В.П., Гохман И.И., Түмэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 208–241.

Базарова Л.Д., Васильев С.Г., Конохов А.Ю. Усть-Менза 3: проблемы стратиграфии и поиск палеокультуры // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: тез. докл. Всесоюз. конф. (Улан-Удэ, 2–8 июня 1986 г.). В 2-х ч. Ч. 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР, 1986. С. 68–69.

Базарова Л.Д., Семина Л.В., Сурин Ю.П. Алтан – многослойный памятник позднего антропогена Забайкалья // Природная среда и древний человек в позднем антропогене. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР, 1987. С. 167–179.

Биологические ресурсы и природные условия Монгольской Народной Республики. Т. 32. История степных экосистем Монгольской Народной Республики / Л.Г. Динесман, Н.К. Киселева, А.В. Князев. М.: Наука, 1989. 215 с.

Боровко Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Т. II. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1927. С. 43–88.

Виппер П.Б., Дорофеев Н.И., Метельцева Е.П., Соловская В.Т. Ландшафтно-климатические изменения в Центральной Монголии в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М.: Наука, 1989. С. 160–167.

Волков В.В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. Улан-Батор: Изд-во Академии наук Монгольской Народной Республики, 1967. 148 с.

Гохман И.И. Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья // Сборник Музея антрополо-

beria]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1974, pp. 370–390. (In Russian).

Alekseev V.P., Gokhman I.I., Tumen D. *Kratkii ocherk paleoantropologii Tsentral'noi Azii (kamennyi vek – epokha rannego zheleza)* [A brief essay on the paleoanthropology of Central Asia (Stone Age – the Early Iron Age)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Mongolia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987, pp. 208–241. (In Russian).

Bazarova L.D., Vasil'ev S.G., Konyukhov A.Yu. *Ust'-Menza 3: problemy stratigrafii i poisk paleokul'tury* [Ust-Menza 3: stratigraphy problems and paleoculture search]. *Tezisy dokladov Vsesoyuznoi konferentsii "Chetvertichnaya geologiya i pervobytnaya arkheologiya Yuzhnoi Sibiri"* [Quaternary geology and Prehistory archeology of Southern Siberia: proceedings of the All-union. conf.]. (Ulan-Ude, June 2–8, 1986). In 2 parts. P. 2. Ulan-Ude: Buryat Branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 1986, pp. 68–69. (In Russian).

Bazarova L.D., Semina L.V., Surin Yu.P. *Altan – mnogoslainyi pamyatnik pozdnego antropogena Zabai-kal'ya* [Altan – a multi-layered site of the Late Anthropogen in Transbaikalia]. *Prirodnaya sreda i drevnii chelovek v pozdnem antropogene* [Natural environment and ancient people in the Late Anthropogen]. Ulan-Ude: Buryat Branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 1987, pp. 167–179. (In Russian).

Dinesman L.G., Kiseleva N.K., Knyazev A.V. *Biologicheskie resursy i prirodnye usloviya Mongol'skoi Narodnoi Respubliki* [Biological resources and natural conditions of the Mongolian People's Republic]. Vol. 32. *Istoriya stepnykh ekosistem Mongol'skoi Narodnoi Respubliki* [The history of the steppe ecosystems of the Mongolian People's Republic]. Moscow: Nauka Publ., 1989, 215 p. (In Russian).

Borovko G.I. *Arkheologicheskoe obsledovanie srednego techeniya r. Toly* [Archaeological survey of the middle course of River Tola]. *Severnaya Mongoliya. T. II. Predvaritel'nye otchety lingvisticheskoi i arkheologicheskoi ekspeditsii o rabotakh, proizvedennykh v 1925 g.* [North Mongolia. Vol. II. Preliminary reports of linguistic and archaeological expeditions on the work done in 1925]. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1927, pp. 43–88. (In Russian).

Vipper P.B., Dorofeyuk N.I., Metel'tseva E.P., Sokolovskaya V.T. *Landshaftno-klimaticheskie izmeneniya v Tsentral'noi Mongolii v golotsene* [Landscape and climatic changes in Central Mongolia during the Holocene]. *Paleoklimaty pozdnelednikov'ya i golotsena* [Paleoclimates of Late Glacial Period and Holocene]. Moscow: Nauka Publ., 1989, pp. 160–167. (In Russian).

Volkov V.V. *Bronzovy i rannii zheleznyi veka Severnoi Mongolii* [Bronze and Early Iron Age of Northern Mongolia]. Ulan-Bator: Academy of Sciences of the Mongolian People's Republic Publ., 1967, 148 p. (In Russian).

Gokhman I.I. *Antropologicheskie materialy iz plitochnykh mogil Zabaikal'ya* [Anthropological materials from

гии и этнографии. Т. XVIII. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 428–443.

Гохман И.И. К вопросу об антропологических особенностях древних скотоводов Забайкалья // Советская этнография. 1967. № 6. С. 95–99.

Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXXVI. Л.: Наука, 1980. С. 5–34.

Гохман И.И., Влчек Э.Э. Древнее погребение из Худжиртэ (Центральная Монголия) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XLIV. СПб.: Наука, 1991. С. 48–54.

Гребенщикова О.И., Семина Л.В. Динамика развития керамического декора в неолите-палеометалле Юго-Западного Забайкалья // Палеоэтнология Сибири: тез. докл. XXX Регион. археол.-этнограф. студ. конф. (Иркутск, 29–31 марта 1990 г.). Иркутск: Иркутский государственный университет, 1990. С. 187–188.

Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981. 204 с.

Грязнов М.П. Бронзовый кинжал с озера Котокель. Верхнеудинск, 1929. 8 с.

Дебес Г.Ф. Палеоантропология СССР: монография. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. 392 с.

Дебес Г.Ф. Череп человека из плиточной могилы в Херексурин-Ури (Забайкалье) // Записки Бурят-Монгольского института культуры. Т. XVI. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1952. С. 63–67.

Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1958. 108 с.

Ефремов И.А. Дорога ветров. М., Всесоюзное учебно-педагогическое издательство Трудрезервиздат, 1958. 360 с.

Slabgraves of Transbaikalia]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. XVIII. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958, pp. 428–443. (In Russian).

Gokhman I.I. On the question of the anthropological features of ancient pastoralists of Baikal. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1967, no. 6, pp. 95–99. (In Russian).

Gokhman I.I. *Proiskhozhdenie tsentral'noaziatskoi rasy v svete novykh paleoantropologicheskikh materialov* [The origin of the Central Asian race in the light of new paleoanthropological materials]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. XXXVI. Leningrad: Nauka Publ., 1980, pp. 5–34. (In Russian).

Gokhman I.I., Vlchek E.E. *Drevnee pogrebenie iz Khudzhirte (Tsentral'naya Mongoliya)* [Ancient burial from Khujirte (Central Mongolia)]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. XLIV. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 1991, pp. 48–54. (In Russian).

Grebenshchikova O.I., Semina L.V. *Dinamika razvitiya keramicheskogo dekora v neolite-paleometalle Yugo-Zapadnogo Zabaikal'ya* [The dynamics of the development of ceramic decor in the Neolithic-Paleometal Age in South-West Transbaikalia]. *Tezisy dokladov XXX Regional'noi arheologo-etnograficheskoi studencheskoi konferentsii "Paleoetnologiya Sibiri"* [Paleoethnology Siberia proceedings of the XXX Region. archaeological ethnographer. stud. conf.]. (Irkutsk, March 29–31, 1990). Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 1990, pp. 187–188. (In Russian).

Grishin Yu.S. *Pamyatniki neolita, bronzovogo i rannego zhelezного vekov lesostepnogo Zabaikal'ya* [Sites of the Neolithic, Bronze and Early Iron Ages of the Forest-Steppe Transbaikalia]. Moscow: Nauka Publ., 1981, 204 p. (In Russian).

Gryaznov M.P. *Bronzovyi kinzhal s ozera Kotokel'* [Bronze dagger from the Lake Kotokel]. Verkhneudinsk, 1929, 8 p. (In Russian).

Debets G.F. *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1948, 392 p. (In Russian).

Debets G.F. *Cherep cheloveka iz plitochnoi mogily v Kherekсурин-Uri (Zabaikal'e)* [Human skull from the Slabgrave in Hereksurin-Uri (Transbaikalia)]. *Zapiski Buryat-Mongol'skogo instituta kul'tury* [Notes of the Buryat-Mongolian Institute of Culture]. Vol. XVI. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1952, pp. 63–67. (In Russian).

Dikov N.N. *Bronzovyi vek Zabaikal'ya* [Bronze Age of Transbaikalia. Ulan-Ude]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1958, 108 p. (In Russian).

Efremov I.A. *Doroga vetrov* [Road of winds]. Moscow: Trudrezervizdat Publ., 1958, 360 p. (In Russian).

Ивашина Л.Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии: монография. Новосибирск: Наука, 1979. 158 с.

Константинов А.В., Князева И.И. Усть-Менза 2: возраст и характер культурных горизонтов // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: тез. докл. Всесоюз. конф. (Улан-Удэ, 2–8 июня 1986 г.). В 2-х ч. Ч. 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР, 1986. С. 65–67.

Константинов М.В., Семина Л.В. Таежные племена на восточной окраине скифо-сибирского мира // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: материалы I Всесоюз. археол. конф. (Кемерово, декабрь 1979 г.). Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1980. С. 96–104.

Константинов М.В., Екимова Л.В., Верещагин С.В. Таежный Чикой на рубеже камня и бронзы. Чита: Изд-во Забайкальского государственного университета, 2016. 247 с.

Лбова Л.В., Гречищев Э.Р. К проблеме поселений эпохи металла степной зоны Западного Забайкалья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 1995. С. 7–17.

Окладников А.П. Эпоха первобытнообщинного строя на территории Бурят-Монгольской АССР // История Бурят-Монгольской АССР. В 2-х т. Т. 1. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1954. С. 9–48.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Глазковское время. Ч. III // Материалы и исследования по археологии СССР № 43. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 374 с.

Окладников А.П. Древнее население Сибири и его культура // Народы Сибири. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 21–107.

Окладников А.П. Триподы за Байкалом // Советская археология. 1959. № 3. С. 114–132.

Ivashina L.G. *Neolit i eneolit lesostepnoi zony Buryatii* [Neolithic and Eneolithic of the forest-steppe zone of Buryatia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1979, 158 p. (In Russian).

Konstantinov A.V., Knyazeva I.I. *Ust'-Menza 2: vozrast i kharakter kul'turnykh gorizontov* [Ust-Menza 2: age and nature of cultural horizons]. *Tezisy dokladov Vsesoyuznoi konferentsii "Chetvertichnaya geologiya i pervobytnaya arkheologiya Yuzhnoi Sibiri"* [Quaternary geology and Prehistory archeology of Southern Siberia: proceedings of the All-union. conf.]. (Ulan-Ude, June 2–8, 1986). In 2 parts. P. 2. Ulan-Ude: Buryat Division of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 1986, pp. 65–67. (In Russian).

Konstantinov M.V., Semina L.V. *Taezhnye plemena na vostochnoi okraine skifo-sibirskogo mira* [Taiga tribes on the eastern outskirts of the Scythian-Siberian world]. *Materialy I Vsesoyuznoi arkheologicheskoi konferentsii "Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo"* [Scythian-Siberian cultural and historical unity: proceedings of the 1st All-Union. archeol. conf.]. (Kemerovo, December 1979). Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 1980, pp. 96–104. (In Russian).

Konstantinov M.V., Ekimova L.V., Vereshchagin S.V. *Taezhnyi Chikoi na rubezhe kamnya i bronzy* [Taiga Chikoy at the transition from the Stone to Bronze Ages]. Chita: Transbaikal State University Publ., 2016, 247 p. (In Russian).

Lbova L.V., Grechishchev E.R. *K probleme poselenii epokhi metalla stepnoi zony Zapadnogo Zabaikal'ya* [To the problem of the settlements of the Metal Age of the steppe zone of the West Transbaikalia]. *Kul'tury i pamyatniki bronzovogo i rannego zhelezного vekov Zabaikal'ya i Mongolii* [Cultures and sites of the Bronze and Early Iron Ages of Transbaikalia and Mongolia]. Ulan-Ude: Baikal Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1995, pp. 7–17. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Epokha pervobytnoobshchinnogo stroya na territorii Buryat-Mongol'skoi ASSR* [The era of the primitive communal system in the territory of the Buryat-Mongolian ASSR]. *Istoriya Buryat-Mongol'skoi ASSR* [History of the Buryat-Mongolian ASSR]. In 2 volume. Vol. 1. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1954, pp. 9–48. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Neolit i bronzovyi vek Pribaikal'ya: Glazkovskoe vremya. Ch. III* [Neolithic and Bronze Age of the Cisbaikalia: Glazkovo time. Chapter III]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR № 43* [Materials and research on the archeology of the USSR no. 43]. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, 374 p. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Drevnee naselenie Sibiri i ego kul'tura* [The ancient population of Siberia and its culture]. *Narody Sibiri* [Peoples of Siberia]. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, pp. 21–107. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Tripods behind the Lake Baikal. Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], 1959, no. 3, pp. 114–132. (In Russian).

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л.: Наука, 1970. 264 с.

Окладников А.П. Древнее Забайкалье (культурно-исторический очерк) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. В 2-х ч. Ч. 2. Забайкалье. Новосибирск: Наука, 1975. С. 6–20.

Окладников А.П. Археологические исследования в Бурят-Монголии // История и культура Бурятии. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1976. С. 315–329.

Окладников А.П. Археология Тувы (итоги и проблемы) // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1980. С. 3–16.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Родникова Е.А., Селин В.В. Усть-Менза 5: погребение бронзового века // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: тез. докл. Всесоюз. конф. (Улан-Удэ, 2–8 июня 1986 г.). В 2-х ч. Ч. 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР, 1986. С. 74–75.

Семина Л.В., Филатова Т.И. Исследования Кристинкиной пещеры // Проблемы археологии и этнографии Сибири: тез. докл. регион. конф. (Иркутск, 7–9 апреля 1982 г.). Иркутск: Иркутский государственный университет, 1982. С. 76–78.

Семина Л.В. Кристинкина пещера – памятник раннего металла Южного Забайкалья // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1983. С. 61–70.

Семина Л.В. Исследования эпохи неолита и бронзы в Юго-Западном Забайкалье // Проблемы исследования каменного века Евразии (к 100-летию открытия палеолита на Енисее): тез. докл. Краевой конф. (Красноярск, 12–18 сентября 1984 г.). Красноярск, 1984. С. 127–131.

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. *Petroglyfy Zabaikal'ya* [Petroglyphs of Transbaikalia]. Parts 2. Leningrad: Nauka Publ., 1970, 264 p. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Drevnee Zabaikal'e (kul'turno-istoricheskii ocherk)* [Ancient Transbaikalia (cultural and historical essay)]. *Byt i iskusstvo russkogo naseleniya Vostochnoi Sibiri* [Life and art of the Russian population of Eastern Siberia]. In 2 parts. P. 2. *Zabaikal'e* [Transbaikalia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1975, pp. 6–20. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Arkheologicheskie issledovaniya v Buryat-Mongolii* [Archaeological research in Buryat-Mongolia]. *Istoriya i kul'tura Buryatii* [History and culture of Buryatia]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1976, pp. 315–329. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Arkheologiya Tuvy (itogi i problemy)* [Archeology of Tuva (results and problems)]. *Noveishie issledovaniya po arkheologii Tuvy i etnogenezu tuvintsev* [Recent studies on the archeology of Tuva and the Tuvanian ethnogenesis]. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1980, pp. 3–16. (In Russian).

Okladnikov A.P., Kirillov I.I. *Yugo-Vostochnoe Zabaikal'e v epokhu kamnya i rannei bronzy* [Southeast Transbaikalia in the Stone and Early Bronze Ages]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1980, 176 p. (In Russian).

Rodnikova E.A., Selin V.V. *Ust'-Menza 5: pogrebenie bronzovogo veka* [Ust-Menza 5: Bronze Age burial]. *Tezisy dokladov Vsesoyuznoi konferentsii "Chetvertichnaya geologiya i pervobytnaya arkheologiya Yuzhnoi Sibiri"* [Quaternary geology and Prehistory archeology of Southern Siberia: proceedings of the All-Union. conf.]. (Ulan-Ude, June 2–8, 1986). In 2 parts. P. 2. Ulan-Ude: Buryat Division of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 1986, pp. 74–75. (In Russian).

Semina L.V., Filatova T.I. *Issledovaniya Kristinkinoi peshchery* [Christinkina Cave Studies]. *Tezisy dokladov regional'noi konferentsii "Problemy arkheologii i etnografii Sibiri"* [Problems of archeology and ethnography of Siberia: proceedings of the region. conf.]. (Irkutsk, April 7–9, 1982). Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 1982, pp. 76–78. (In Russian).

Semina L.V. *Kristinkina peshchera – pamyatnik rannego metalla Yuzhnogo Zabaikal'ya* [Christinkina Cave – a site to the Early Metal Age of Southern Transbaikalia]. *Po sledam drevnikh kul'tur Zabaikal'ya* [In the footsteps of ancient cultures of Transbaikalia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1983, pp. 61–70. (In Russian).

Semina L.V. *Issledovaniya epokhi neolita i bronzy v Yugo-Zapadnom Zabaikal'e* [Studies of the Neolithic and Bronze Age in Southwestern Transbaikalia]. *Tezisy dokladov Kraevoi konferentsii "Problemy issledovaniya kamennogo veka Evrazii (k 100-letiyu otkrytiya paleolita na Enisee)"* [Problems of the study of the Stone Age of Eurasia (to the 100th anniversary of the discovery of the Paleolithic on the Yenisei River): proceedings of the regional conf.]. (Krasnoyarsk, September 12–18, 1984). Krasnoyarsk, 1984, pp. 127–131. (In Russian).

Семина Л.В. Керамика эпохи неолита и бронзы Юго-Западного Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск: Наука, 1985. С. 104–122.

Семина Л.В., Пинскер М.П. Усть-Менза I: от финального палеолита до поздней бронзы // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: тез. докл. Всесоюз. конф. (Улан-Удэ, 2–8 июня 1986 г.). В 2-х ч. Ч. 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР, 1986. С. 62–65.

Семина Л.В., Грешилова Г.И. Металл в жизни обитателей таежной зоны Забайкалья // Проблемы археологии Северной Евразии: тез. докл. XXVIII Регион. археол.-этнограф. студ. конф. Чита, 1988. С. 119–120.

Сосновский Г.П. К истории добычи олова на востоке СССР // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 9–10. С. 15–19.

Сосновский Г.П. Итоги работ Бурят-Монгольского археологического отряда АН СССР в 1928–1929 гг. // Проблемы Бурят-Монгольской АССР. В 2-х т. Т. 2. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. С. 318–321.

Сосновский Г.П. Ранние кочевники Забайкалья // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. VIII. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. С. 36–41.

Сосновский Г.П. Плиточные могилы Забайкалья // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Вып. 1. Л., 1941. С. 273–309.

Сухопарова С.А., Непомнящий А.С., Семина Л.В. Металл и камень Чикойско-Мензенской тайги в эпоху ранней бронзы // Палеоэтнология Сибири: тез. докл. XXX Регион. археол.-этнограф. студ. конф. (Иркутск, 29–31 марта 1990 г.). Иркутск: Иркутский государственный университет, 1990. С. 188–189.

Semina L.V. *Keramika epokhi neolita i bronzy Yugo-Zapadnogo Zabaikal'ya* [Ceramics of the Neolithic and Bronze Age of the South-Western Transbaikalia]. *Drevnee Zabaikal'e i ego kul'turnye svyazi* [Ancient Transbaikalia and its cultural connections]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1985, pp. 104–122. (In Russian).

Semina L.V., Pinsker M.P. *Ust'-Menza I: ot final'nogo paleolita do pozdnei bronzy* [Ust-Menza I: from the Final Paleolithic to Late Bronze]. *Tezisy dokladov Vsesoyuznoi konferentsii "Chetvertichnaya geologiya i pervobytnaya arkheologiya Yuzhnoi Sibiri"* [Quaternary geology and Prehistory archeology of Southern Siberia: proceedings of the All-Union. conf.]. (Ulan-Ude, June 2–8, 1986). In 2 parts. P. 2. Ulan-Ude: Buryat Division of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 1986, pp. 62–65. (In Russian).

Semina L.V., Greshilova G.I. *Metall v zhizni obitatelei taezhnoi zony Zabaikal'ya* [Metal in the life of the inhabitants of the taiga zone of Transbaikalia]. *Tezisy dokladov XXVIII Regional'noi arkheologo-etnograficheskoi studencheskoi konferentsii "Problemy arkheologii Severnoi Evrazii"* [Problems of archeology of Northern Eurasia: proceedings of the XXVIII Region. archaeological ethnographer. stud. conf.]. Chita, 1988, pp. 119–120. (In Russian).

Sosnovskii G.P. To the history of tin mining in the east of the USSR. *Problemy istorii material'noi kul'tury* [Problems of the history of material culture], 1933, no. 9–10, pp. 15–19. (In Russian).

Sosnovskii G.P. *Itogi rabot Buryat-Mongol'skogo arkheologicheskogo otryada AN SSSR v 1928–1929 gg.* [Results of the Buryat-Mongolian archaeological detachment of the Academy of Sciences of the USSR in 1928–1929.]. *Problemy Buryat-Mongol'skoi ASSR* [Problems of the Buryat-Mongolian ASSR]. In 2 volume. Vol. 2. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1936, pp. 318–321. (In Russian).

Sosnovskii G.P. *Rannie kochevniki Zabaikal'ya* [Early nomads of Transbaikalia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief reports of the Institute for the History of Material Culture]. Iss. VIII. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1940, pp. 36–41. (In Russian).

Sosnovskii G.P. *Plitochnye mogily Zabaikal'ya* [Slab graves of Transbaikalia]. *Trudy otdela istorii pervobytnoi kul'tury Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the Department of Primitive Culture History of the State Hermitage Museum]. Iss. 1. Leningrad, 1941, pp. 273–309. (In Russian).

Sukhoparova S.A., Nepomnyashchii A.S., Semina L.V. *Metall i kamen' Chikoisko-Menzenskoi taigi v epokhu rannei bronzy* [The metal and stone of the Chikhoysko-Menza taiga in the Early Bronze Age]. *Tezisy dokladov XXX Regional'noi arkheologo-etnograficheskoi studencheskoi konferentsii "Paleoetnologiya Sibiri"* [Paleoethnology Siberia: proceedings of the XXX Region. archaeological ethnographer. stud. conf.]. (Irkutsk, March 29–31, 1990). Irkutsk: Irkutsk State

Туркин Г.В. Погребальный обряд населения Предбайкалья в конце II – I тыс. до нашей эры (к вопросу об этнокультурной ситуации) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2004. С. 82–92.

Харинский А.В. Погребальный ритуал жителей северо-западного побережья Байкала в раннем железном веке // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VIII Междунар. науч. конф. Чанчунь: Цзилинский университет, 2017. С. 123–133.

Харинский А.В., Зайцев М.А., Свинин В.В. Плиточные могилы Приольхонья // Культура и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995. С. 64–78.

Цыбиктаров А.Д. Исследования на юге Бурятии // Археологические открытия 1983 г. М.: Наука, 1985. С. 248–249.

Цыбиктаров А.Д. О датировке херексуров в Южной Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: тез. докл. и сообщ. науч. конф. (Барнаул, 23–25 марта 1988 г.) Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1988. С. 130–132.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья: монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 1998. 288 с.

Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия на заре бронзового века (конец III – первая половина II тыс. до н. э.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2006. 236 с.

Цыбиктаров А.Д. Формирование кочевого скотоводства в Центральной Азии в свете данных археологии и палеогеографии Монголии и Южного Забайкалья и его влияние на культурно-историческое развитие населения бронзового века // Этноистория и этноархеология Северной Азии: теория, методология и практика исследования. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2007. С. 194–197.

University Publ., 1990, pp. 188–189. (In Russian).

Turkin G.V. *Pogrebal'nyi obryad naseleniya Predbaikal'ya v kontse II – I tys. do nashei ery (k voprosu ob etnokul'turnoi situatsii)* [The burial rite of the population of Pre-Baikal at the end of II – I thousand BC (to the question of the ethnocultural situation)]. *Tsentr'al'naya Aziya i Pribaikal'e v drevnosti* [Central Asia and the Baikal Region in Antiquity]. Iss. 2. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2004, pp. 82–92. (In Russian).

Kharinskii A.V. *Pogrebal'nyi ritual zhitelei severo-zapadnogo poberezh'ya Baikala v rannem zheleznom veke* [Funerary ritual of inhabitants of the northwestern coast of Baikal in the Early Iron Age]. *Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Drevnie kul'tury Mongolii, Baikalskoi Sibiri i Severnogo Kitaya"* [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: proceedings of the VIII Intern. scientific conf.]. Chanchun': Jilin University Publ., 2017, pp. 123–133. (In Russian).

Kharinskii A.V., Zaitsev M.A., Svinin V.V. *Plitochnye mogily Priol'khon'ya* [Slab graves of the Olkhon Area]. *Kul'tura i pamyatniki bronzovogo i rannego zheleznogo vekov Zabaikal'ya i Mongolii* [Culture and sites of the Bronze and Early Iron Ages of Transbaikalia and Mongolia]. Ulan-Ude, 1995, pp. 64–78. (In Russian).

Tsybiktarov A.D. *Issledovaniya na yuge Buryatii* [Studies in the south of Buryatia]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1983 g.* [Archaeological discoveries in 1983]. Moscow: Nauka Publ., 1985, pp. 248–249. (In Russian).

Tsybiktarov A.D. *O datirovke kherekсуров v Yuzhnoi Buryatii, Severnoi i Tsentr'al'-noi Mongolii* [On the Dating of the Khereksur in Southern Buryatia, Northern and Central Mongolia]. *Tezisy dokladov i soobshchenii nauchnoi konferentsii "Khronologiya i kul'turnaya prinaldzhnost' pamyatnikov kamennogo i bronzovogo vekov Yuzhnoi Sibiri"* [Chronology and cultural identity of the sites of Stone and Bronze Ages of Southern Siberia: proceedings of the scientific conf.]. (Barnaul, March 23–25, 1988) Barnaul: Altai State University Publ., 1988, pp. 130–132. (In Russian).

Tsybiktarov A.D. *Kul'tura plitochnykh mogil Mongolii i Zabaikal'ya* [Culture of Slab graves of Mongolia and Transbaikalia]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 1998, 288 p. (In Russian).

Tsybiktarov A.D. *Tsentr'al'naya Aziya na zare bronzovogo veka (konets III – pervaya polo-vina II tys. do n. e.)* [Central Asia at the dawn of the Bronze Age (the end of the third – the first half of the second millennium BC)]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2006, 236 p. (In Russian).

Tsybiktarov A.D. *Formirovanie kochevogo skotovodstva v Tsentr'al'noi Azii v svete dannykh arkheologii i paleogeografii Mongolii i Yuzhnogo Zabaikal'ya i ego vliyanie na kul'turno-istoricheskoe razvitie naseleniya bronzovogo veka* [Formation of nomadic cattle breeding in Central Asia in the light of archeology and paleogeography of Mongolia and South Transbaikalia and its influence on the cultural and historical development of the population of the Bronze

Цыбиктаров А.Д. Хэнтэйская культура эпохи раннего металла севера Центральной Азии // Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й науч.-практич. конф. (Иркутск, 29 марта – 1 апреля 2009 г.). Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2009. С. 62–69.

Цыбиктаров А.Д. Этапы взаимоотношений населения культуры плиточных могил и культуры херексуров в Центральной Азии в «эпоху великого переселения народов» бронзового века // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы IV Междунар. науч. конф. (Чита, 13–19 сентября 2013 г.). В 2-х ч. Ч. 2. Чита: Забайкальский государственный университет, 2013. С. 360–373.

Членова Н.Л. Культура плиточных могил // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Т. 10. Серия: Археология СССР. М.: Наука, 1992. С. 247–354.

Наваан Д. Дорнод Монголийн хурлийн үе. Улаанбаатар, 1975. 200 с.

Критерии авторства

Цыбиктаров А.Д. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе

Цыбиктаров Александр Дондопович, доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории, e-mail: a.d.tsibiktarov@gmail.com

Age]. *Etnoistoriya i etnoarkheologiya Severnoi Azii: teoriya, metodologiya i praktika issledovaniya* [Ethnohistory and ethnoarcheology of North Asia: Theory, Methodology and Research Practice]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University Publ., 2007, pp. 194–197. (In Russian).

Tsybiktarov A.D. *Khenteiskaya kul'tura epokhi rannego metalla severa Tsentral'noi Azii* [Khentei culture of the Early Metal Period of the north of Central Asia]. *Materialy 3-i nauchno-prakticheskoi konferentsii "Sotsiogenez v Severnoi Azii"* [Sociogenesis in North Asia: proceedings of the 3rd scientific and practical. conf.]. (Irkutsk, March 29 – April 1, 2009). Irkutsk: Irkutsk State Technical University Publ., 2009, pp. 62–69. (In Russian).

Tsybiktarov A.D. *Etapy vzaimootnoshenii naseleniya kul'tury plitochnykh mogil i kul'tury kherekurov v Tsentral'noi Azii v "epokhu velikogo pereseleniya narodov" bronzovogo veka* [Stages of the relationship of the population of the culture of Slabgraves and Culture of Khereksur in Central Asia in the "era of the great migration of peoples" of the Bronze Age]. *Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri"* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: proceedings of the IV Intern. scientific conf.]. (Chita, September 13–19, 2013). In 2 parts. P. 2. Chita: Transbaikal State University Publ., 2013, pp. 360–373. (In Russian).

Chlenova N.L. *Kul'tura plitochnykh mogil* [Slabgraves Culture]. *Stepnaya polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifosarmatskoe vremya. T. 10. Seriya: Arkheologiya SSSR* [The steppe belt of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time. Vol. 10. Series: Archeology of the USSR]. Moscow: Nauka Publ., 1992, pp. 247–354. (In Russian).

Наваан Д. Дорнод Монголийн хурлийн үе. Улаанбаатар, 1975, 200 р. (In Mongolia).

Attribution criteria

Tsybiktarov A.D. performed research, on the basis of the received results carried out generalization, prepared the manuscript for printing, has copyright of article and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Information about the author

Alexander D. Tsybiktarov, Dr. Sci. (History), associate professor of World and Russian history, e-mail: a.d.tsibiktarov@gmail.com